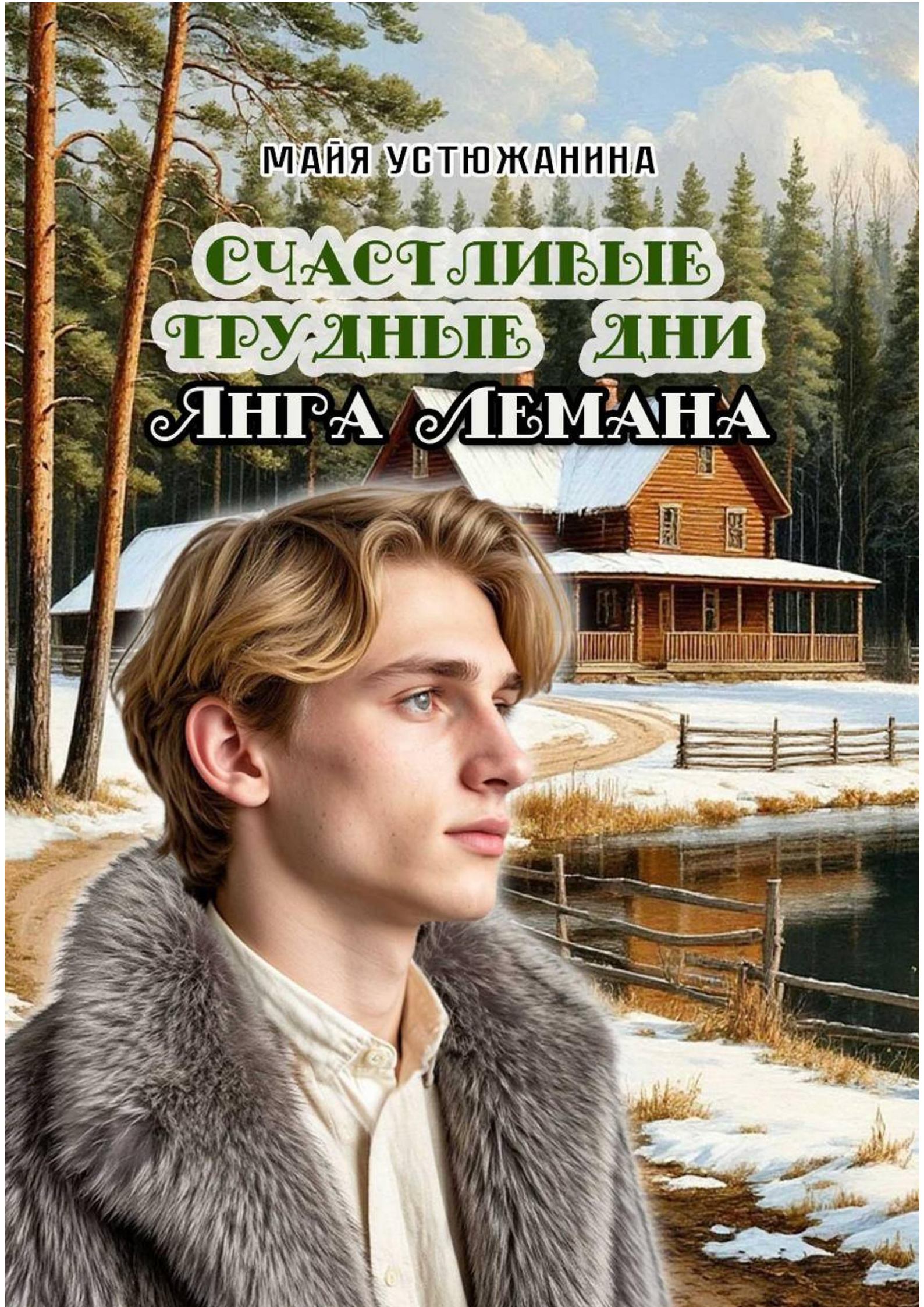

A young man with light brown, wavy hair and blue eyes is shown in profile, looking towards the right. He is wearing a thick, grey fur coat over a light-colored button-down shirt. The background is a winter scene with a large, two-story log cabin with a snow-covered roof and a porch. The cabin is surrounded by tall evergreen trees and a snow-covered field. A wooden fence runs across the middle ground, and a small body of water is visible in the lower right. The sky is blue with some white clouds.

МАЙЯ УСТЮЖАНИНА

**СЧАСТЛИВЫЕ
ТРУДНЫЕ ДНИ
ЯНГА ЛЕМАНА**

Устюжанина Майя

**Счастливые трудные
дни Янга Лемана**

«Автор»

2026

Майя У. Н.

Счастливые трудные дни Янга Лемана / У. Н. Майя — «Автор»,
2026

Янг Леман - богатый и одинокий молодой человек. Он живет в большом поместье, в заболоченном, лесистом крае. Он оберегает земли, перешедшие ему в наследство и хранит их опасную тайну. Но жизнь Лемана довольно однообразна. От скуки он спасает из заключения беглого иностранца и берет под свою опеку бездомную сироту. Эти двое - никто по сравнению с ним, и он ничего от них не ждет. Но все-таки, именно эти люди довольно скоро сыграют в его жизни самую важную роль.

© Майя У. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Устюжанина Майя

Счастливые трудные дни Янга Лемана

Глава 1

В середине зимы болезнь отступила и Янг Леман наконец-то смог позволить себе длительную прогулку. Заточенный в своем большом каменном доме с самой осени, сегодня он с нетерпением поглядывал в окно. Ему хотелось сбежать, неважно куда. Хотелось окунуться в холодный туман, вдохнуть запах хвои и мокрого снега и почувствовать на лице ветер.

Управляющий, одетый в черное пальто, сутулясь и похлопывая себя по плечам, вышел на улицу. Исполняя приказ, он подготовил и подогнал машину к парадному крыльцу. В просторной, светлой столовой, где хозяин поместья заканчивал свой завтрак, было слышно, как жесткие резиновые колеса с сахарным хрустом мнут застывшую за ночь снежную кашу.

Утро было тихим, воздух застыл. На короткое время пелена облаков приподнялась и тогда, между темным лесом и мрачной рваной облачной кромкой, совсем ненадолго показалось удивительное, чистое, малиново-голубое небо. А также край восходящего, яркого солнца, пока еще недоступного для жителей северной части страны. К тому времени, как хозяин вышел из дома, нараспашку, лишь небрежно накинув поверх светлой сорочки длинную волчью шубу, солнце уже закатилось за серое небесное покрывало.

От дыхания шел пар. Управляющий Филс, ожидая приказа трогаться, растирал свои покрасневшие ладони. Янг Леман, устроившись на обтянутом кожей сидении, закутался в шубу и затаился.

Это был бледный, худой, совсем еще молодой человек. Он молчал, глядел в окошко, усталое после долгой болезни лицо его было неподвижно. Можно было предположить, что он размышляет о чем-то важном. Но на самом деле, он всего лишь любовался старой пушистой сосной. Смотрел на то, как с мокрой хвои медленно стекают и падают в снег крупные и прозрачные капли.

Воздух пах сосновой смолой, горьковатым печным дымом, выходящим из возвышавшихся над лесом кирпичных труб. День обещал быть сырым и промозглым. Для восстановления сил Леману было нужно солнце. Но солнца не было видно уже четыре месяца. Янг знал, что, когда оно, наконец, появится: улыбочное, оранжевое, похожее на раскаленное плоское блюдо, морозы еще вернутся. Снег тогда станет сверкать, схватываться в алмазную крошку и солнечно-розовое дыхание будет вырываться из каждого рта. В этот момент и придет в их лесной край настоящая весна.

- Филс, поехали к крепости, - скомандовал Янг.

Ехали долго. Дорога петляла через старый сумрачный лес. Под тяжестью мокрых снежных шапок сосны склонили широкие ветви почти до самой земли. Машину качало на насыпной песчаной колее, мотор мерно гудел. Лисица, выскочившая было на просеку, запаниковала. Спасаясь от невиданного рычащего чудовища, она бросилась обратно в чащу.

Только один раз за весь путь показался горизонт: дымчатый, темно-синий, тяжелый. Там, где вода ближе всего подходила к поверхности, находилось обширное болото. Сейчас, под ненадежным, тонким слоем льда, болото походило на огромное поле. Лишь кое-где торчали остовы старых деревьев. Искореженные и серые, они тянули к небу свои высохшие ветви. Высокий ветер, вырвавшись здесь на волю, завывал над спящей поверхностью, тоскливо и жутко. И даже шум работающего мотора не мог заглушить этого протяжного, долгого воя.

Они добрались до места ближе к полудню. Миновали маленькие, отдельно стоящие фермы, пару деревенских улиц и попали, наконец, в каменно-деревянный, с коричневыми черепичными крышами, старинный Нордвэй. Рынок у старой крепости был полон народу. Леману нравилось наблюдать, как днем он дышит, будто единый организм, а ближе к вечеру каждый раз тихо умирает. И в сумерках распадается на составляющие: отдельных людей, разбредаящихся, тянущих по домам свою добычу.

В городке зимовал бродячий цирк. Из-за старых городских крыш виднелись натянутая на острый шпиль полосатая крыша и обтрепанные непогодой цветные флажки. С огороженного кибитками двора доносились нестройные звуки скрипки, вопли и звонкий смех.

Торговые ряды располагались вдоль древних стен. По центральному проходу сновал разномастный люд: горожане, селяне, фермеры, приехавшие на рынок вместе с детьми. Друг от друга их можно было отличить по одежде, по степени ее новизны, чистоте и целостности. Здесь же толкался со своей тележкой сторбленный длинноволосый старьевщик, мелькали красными жилетами черноволосые цыгане. Было шумно: человеческий говор смешивался с голосами животных, треском и скрипом. Пахло серой, дымом, жареным мясом, пивом, конским навозом. Под ногами хлюпала тысячу раз мешаная снежная желтая крупа.

Нордвэй образовался на месте крепости. Древней крепости, которая веками спасала местных жителей от варварских набегов. Стены ее выдержали не одну осаду и дали возможность выжить предкам тех, кто населял сейчас всю северную часть страны. Те, прежние люди, суровые и белокожие, уцелели за ее стенами. Они разбрелись по всему краю, размножились. А затем выстроили новые, молодые и свободные поселения. Сегодня же их потомки снова стекались к прародительнице. И, точно отдавая дань прошлому, несли под стены крепости свои деньги и товары.

Спустя четыреста лет от толстых стен громадины остался каменный остов, полукруглый и широкий. Уцелевшие внутренние серые домики превратились в лавчонки и кабаки, а улочки и площадки облюбовали торговцы. Это было веселое, бестолковое, шумное и неприличное место. Единственным островком духовности в разрушенной крепости оставалась прилепившаяся к стене крохотная церквушка. Каждый божий день старый седой священник поднимался по витой каменной лестнице на самый верх колокольни и отбивал в гулкий чугунный колокол. И по традиции утром было десять ударов – древний знак пробуждения и сбора, а вечером – всего три удара. Как знак того, что все спокойно, что можно расходиться по домам и спать спокойно.

Машины в городке видели нечасто. Детвора неслась следом, сопровождая ее до тех пор, пока Филс не затормозил у широких крепостных ворот. Мальчишки не сводили с волшебного механизма восторженных глаз. Их интересовало все: узкие резиновые колеса с толстыми короткими спицами, круглые, похожие на глаза совы, фары, блестящие гладкие ручки, которые звонко отщелкивали при открытии дверцы. Филс, похожий на старую ворону, сутулый и черный, громко шикнул, пытаясь отогнать ребятню. Дети отскочили, но без страха и совсем недалеко. Ясно было, что такого тощего старика нечего бояться.

Янг Леман шел по улицам старой крепости: мимо старинных серых стен, узких темных окон, деревянных навесов и старых кибиток. Его дорогие коричневые сапоги на высокой каучуковой подошве мешали сбитый в крупу, грязный желтый снег. На светлых, красиво подстриженных волосах и на длинной серой шубе сверкали зацепившиеся одинокие снежинки. Люди уважительно расступались, давая ему дорогу. А он спешил. Лемана гнала изнуряющая жажда. И хотелось ему вовсе не пива и не эля. Он знал место, где можно заказать хороший травяной чай, такой, который на время успокоит его измученные легкие. Он, было дело, как-то подошел к хозяину этой забегаловки своего человека. Но тот, кажется, что-то упустил, либо же просто недопонял. Из добытого рецепта получалось нечто похожее, но все же не то. А вот в трактире чай был хорош. Он согревал и разгонял кровь, давал бодрость. И потом еще долго, целых несколько дней, кашель его почти не беспокоил.

Внутри было все то же, что и при отце Янга. Толстые сосновые столы, за долгие годы службы, отполированные до блеска локтями посетителей. Тяжелые стулья, отполированные не менее тяжелыми задами. Низкий, закопченный потолок с широкими черными балками, крохотные окна. Масляные светильники, подвешенные на цепях, давали тусклый желтый свет. Старые дутые бочки стояли по углам. Они были настолько велики, что двое взрослых людей легко бы смогли в них уместиться.

Господина Янга Лемана, хозяина леса, приветствовали поклонами и вскинутыми вверх глиняными кружками. Тот сдержанно кивнул в ответ и присел за ближайший свободный столик. Ритуал его визитов не менялся. С тех самых пор еще, как отец начал брать его с собой. Леман-старший, человек богатый, веселый и общительный, не чурался людей и был не прочь любить отвести душу, как это принято в кругу простого народа. Он пил здесь пиво, кружку за кружкой, с удовольствием играл в карты и кости, просаживая деньги и громко хохоча.

Янг был не похож на своего отца. Он не испытывал потребности напиваться и играть. Да и здоровье ему не позволяло. Но ему нравилось бывать здесь. Нравилось вдыхать запах жаренного на старом сале теста и ароматного густого хмеля. Нравилось бродить по торговым рядам на рынке, сливаться с толпой и делать мелкие покупки. Ему нравилось возвращаться домой поздно. К чистоте и простору, к теплому камину и книгам. К послушным, услужливым людям, живущим в его доме и к своему одиночеству. В большой каменный дом, который теперь принадлежал лишь ему одному.

Друзей в Нордвее у Янга Лемана не водилось. Были лишь заказчики и должники. Этот молодой человек был сдержан на чувства, умен, расчетлив. Став хозяином земли, Янг перестал продавать пшеницу и овес. Он засадил часть полей молодым лесом. Он больше не страдал от прихотей неустойчивой северной погоды и из-за сложностей, связанных с обработкой, покрытой камнями, скудной, глинистой почвы. В последние несколько лет он делал ставку на производство древесины. Не доверяя никому, он самостоятельно изучал, скупал и завозил на свою лесопилку новую технику.

Шаркая по каменному полу деревянными подошвами к гостю подошла жена хозяина паба. Это была некрасивая, высокая и худая женщина в широком, темном переднике.

- Рада вас видеть, господин Леман. Давно вы не заходили к нам. Кажется, с прошлого лета.

- Именно так, - подтвердил он.

- Не обзавелись еще молодой хозяйкой? – напрямую, без отступлений, спросила она.

- Нет.

- Вам бы назад, в большой город, господин Леман. Уж больно вы выделяетесь...

Заметив его взгляд, женщина сменила тему:

- Хотите ли узнать последние новости? С неделю назад, к нам сюда с юга сюда привезли «нечистых».

- Они продаются или это просто зверинец?

Скрывая отсутствие переднего зуба, хозяйка криво улыбнулась.

- Несколько уже продали фермерам. Наши местные, из города, купили для работы по дому молодую девочку. Кое-кто еще остался. Я видела их сама. Они смиренные, очень тихие. Такая редкость нынче.

- Редкость? Я бы не сказал...

- Для кого как. Взгляните, коли время найдется. Они такие интересные. Я предупрежу смотрителя...

Янг кивнул.

Хозяйка сгребла монеты в кулак, поклонилась. Леман дождался пока она уйдет и взял тяжелую коричневую кружку обеими руками. От настоя шел пар и горьковатый травяной аромат. Спустя несколько минут его прошиб горячий пот. Поле этого Янг долго сидел на месте и

смотрел в окно. С тусклого неба сыпался мелкий снежок. Вставать и идти в холодную слякоть ему не хотелось.

В последнее время в его жизни было мало событий. Несмотря на молодость, жил он, скорее, по привычке, почти как старик. Янг задумался на тем, что рассказала ему хозяйка паба. «Нечистые» - ценный товар. А теперь еще и незаконный.

Будучи столичным студентом, Янг сталкивался с ними постоянно. Хотя первое время он действительно опасался и сторонился их, чем здорово веселил приятелей. Но он и не мог узнать этих людей раньше. Его отец никогда брал себе таких работников, в основном, конечно, из-за упорства своей жены. Сам Янг отчетливо помнил, как много лет назад, проезжие торговцы остановились у высоких кованых ворот поместья. Янг и его сестра Виктория прознали про это от слуг. Любопытство их было настолько сильно, что они своевольно покинули классную комнату и тайком пробрались к воротам. Они были в ту пору всего лишь детьми: нежными, добрыми, хорошо воспитанными и слегка диковатыми. И это, по сути первое их столкновение с реальным взрослым миром, стало для обоих неприятным откровением. Виктория испугалась и убежала в дом почти сразу же. А Янг остался. Он не мог отвести от «нечистых» глаз. Он все смотрел и смотрел на них. На лица, покрытые слоем грязи. В глаза, подернутые пеленой равнодушия, на выступающие над всклокоченными волосами маленькие звериные рога.

«Нечистых» держали за пределами рынка, в старых катакомбах, у леса. Янгу Леману пришлось пройти через всю крепость: мимо бойни, кожевенной мастерской и прачечной, где царили вечные вонь и сырость. Смотритель, крепкий и смурной здоровяк, ожидал его у входа. В правой руке он держал зажжённый масляный фонарь.

- Господин Леман? Следуйте за мной.

Каменные плиты были уложены на широкие и низкие, вросшие в землю стены. Ключ повернулся в замке, и узкая кованая решетка со скрипом отворилась.

- Поберегите голову!

Они наклонились, чтобы не задеть низкий дверной проем. Катакомбы были невелики, и прежде, до тех пор, пока власти не построили новую узницу, служили городской тюрьмой. Прежде Янг никогда не бывал здесь и сейчас осматривался с любопытством ребенка. Вдоль стены тянулись ряды крохотных низких камер. Толстые железные решетки почернели и бугрились от сырости, но были все также крепки. Внутри было тепло, талая вода звонко цокала о каменный пол. Влага повисла в воздухе туманом. Из вырезанных в камне узких вентиляционных щелей падал мутный, холодный свет. А фонарь лишь добавлял в этом мрачном подполье еще большедвигающихся мрачных теней.

Место было дурное. Ему стало не по себе. Из-за затхлого воздуха, темноты и замкнутого, тесного пространства. Но Лемана терзало любопытство. И поэтому он послушно спускался по каменным ступеням, вслед за смотрителем, все ниже и ниже - в самую глубину подземелья.

Первыми в желтом мутном свете он увидел двух женщин. Они сидели спина к спине и кутались в драные шерстяные накидки. Обе были еще довольно молоды. Одна из них смерила вошедших пристальным взглядом, вторая осталась безучастной. Смотритель остановился перед камеркой, а Леман, засмотревшись на узниц, с ходу врезался в его спину.

- Что такое, господин Леман?

Янг сделал шаг назад. Лицо его выражало недоумение.

- Они преступницы?

- Беглянки. Не воспринимайте их как обычных людей, господин Леман и не жалеите. Они обманчиво беззащитны. Эти две – сестры. Ничего особенного. К примеру, если у вас есть коровья или козья ферма, то для работы на ней они вполне сгодятся.

- У меня нет фермы, - пробормотал Янг и закашлялся в кулак. — Послушайте, здесь дурной, сырой воздух. Здесь нельзя держать людей. Переведите их в другое место.

- Другого места нет. Из другого места они сбегут. Вы только осмотрите на их рога. Да разве же это люди? Хитры и пронырливы, как черти, - смотритель ухмыльнулся, - Пойдемте дальше.

В следующей камере на соломе скорчился подросток. Острые спинные позвонки, просвечивали сквозь тонкую рубаху. Янг, переступая с ноги на ногу, прижал густой меховой рукав к своему носу. Он хмуро, с жалостью смотрел на мальчишку. Развлечение это было ему не по душе.

- Мальчики и мужчины - ценнее. Этот явно глухой, - продолжил смотритель. - Видимо, от болезни или еще по какой причине. Он умеет делать только то, чему его научили люди, знаниями своих он не владеет. За ним должны приехать уже завтра.

- Его заберут. И кто же?

Смотритель пожал плечами.

- Это мне неизвестно. Их разбирают, но делают это тайком. Люди сейчас боятся огласки. Слышал я, в столице, говорят, что торговля — это варварство. И что власти хотят ввести закон, дающий им свободу. Но на кой черт им далась свобода? У них нет ни земель, ни домов. Кто даст им землю и дома?

Они прошли вперед, миновали несколько пустых каморок.

- Еще один.

Янг остановился, всматриваясь и шурясь. Глаза резало от скудного света и едкой гари, источаемой светильником.

- Этот уже довольно взрослый. Торговец сказал, что перекупил его у кого-то по пути сюда. Говорит, что он послушен и тих. Он очень спокойный. На вид здоров и крепок. Если вам нужен сильный слуга...

- Он не выглядит сильным и здоровым.

Леман пристально смотрел вглубь каморки. В отличие от предыдущих, этот человек сидел лицом к ним, подобрав под себя ноги и прижавшись спиной к каменной стене. Веки его были опущены.

Смотритель снова пожал плечами, давая понять, что больше предложить ему нечего. Но Леман не смотрел на него. Он хмурился и шурился, в беспокойстве переступал с ноги на ногу. Что-то сильно его взволновало. Он смотрел на узника. Лицо этот «нечистого» было другим. Не таким пустым и равнодушным, как у других. Но даже не это беспокоило его. Не осмысленное, кроткое, строгое выражение и точно излучающее белый свет, лицо чужака. Было еще кое-что. То, что Янг угадывал сразу, и в чем не ошибался. Он всем телом чувствовал стоящую сейчас за спиной «нечистого» смерть. Так, как часто ощущал ее рядом с самим собою, с самого детства, всегда.

Этот человек умирал. И Леман не мог отвести взгляда. Сам он в такие минуты всегда ощущал холодный, пронизывающий до костей, ужас. Он метался, искал спасения. И страстно молился про себя, прося у Бога дать ему еще: времени, здоровья. У него было все: богатство, молодость, свобода. Жизнь его была легка и полна надежд. Но что же было у этого существа? Ничего. Ничего такого, за что можно было бы держаться.

- А может быть, он знает больше? И поэтому ему не страшно? Тогда я тоже хочу это знать...

Он подошел ближе, схватился за железные прутья. Они были холодными и скользкими, но Янг этого не чувствовал. Смотритель недоуменно таращился на него, застывшего у клетки, с побледневшим, искаженным, точно в гримасе боли лицом.

- Осторожнее. Не стоит подходить так близко. Может, вам выйти на воздух, господин Леман? Вид у вас неважный.

- Скажите, что случилось с ним?

- Да он постоянно спит!

Здоровяк приподнял светильник выше.

- Эй, ты! Очнись! Ты вообще там живой?! Ну вот... не хватало мне еще вытаскивать отсюда мертвое тело. Нет, этим пусть занимается их хозяин. Ты меня слышишь?! Ты там что ли умер?!

Человек в камере пошевелился. Янг, щурясь, пытался разглядеть пленника в деталях. Тот сидел в самой глубине. Было видно, как серые волнистые кольца волос опускаются на бледный лоб. Мужчина приоткрыл запавшие глаза, скользнул по людям взглядом и уставился в стену.

- Кто ты такой? Как тебя зовут? - спросил Леман.

Пленник молчал. Смотритель засопел и с шумом втянул в себя воздух.

- Нет, этот не скажет. Хоть забей его до смерти. С молодых-то и взять нечего – они не обученные, а вот эти, взрослые, они совсем другие.

- Стало быть, вы его пытали? Кто позволил вам это делать?

Смотритель покачал головой.

- Господин, Леман, я здесь ни при чем. Я и пальцем никого из них не трогал. Весь спрос с приезжего торговца. Мерзкий он человек. Жадный и злой. Ведь почему он остановился здесь, у крепости? Прячет их в катакомбах, чтобы власти не узнали. Торговля то уже запрещена! Поэтому даже если кто из них и умрет здесь – невелика потеря...

Дорога домой была долгой. В сумерках повалил густой снег, похолодало. Янг все никак не мог согреться, кутался в мех и глухо кашлял в кулак. Скользкие резиновые колеса заносило на ледяной корке, которой покрылась насыпная дорога, мотор часто глох. Филс, впрочем, чувствовал себя уверенно. Этот молчаливый угрюмый мужчина имел особый талант. Он разбирался в тонкостях устройства любого механизма. Казалось, у него самого в голове крутятся шестерни и отщелкивают пружины. Он умел починить любые часы, летом ремонтировал механические полевые косилки и круглогодично обслуживал мощный механизм лесопилки. Механизмы Филс любил, доверял им больше, чем людям. А Янг Леман доверял ему.

С начала пути Филс не проронил ни слова. Янг знал, что управляющий недоволен. Это было видно по его лицу, насупленному более обычного. Сам хозяин леса после неожиданной вспышки человеколюбия и сострадания, чувствовал себя опустошенным. Его накрыли усталость и равнодушие, и он на какое-то время даже позабыл о сидящем вместе с ними в машине существе. Никаких суеверных страхов Янг не испытывал. Он никогда не верил в сверхъестественную силу и колдовство, считая все это глупостью и предрассудками свойственными лишь необразованным людям. Ему не было страшно. Тем более, что сидящий рядом с Филсом человек не разговаривал, не вздыхал, не двигался. Он вообще никак не проявлял себя. Было ощущение, что они везут с собой не живое тело, а мешок, набитый соломой.

Он купил человека. Мысли в голове Янга Лемана неслись вихрем, обрывочные, короткие, неясные. Такое обычно бывало с ним во время болезни. Ему было немного стыдно. Он нарушил запрет матери, он везет в их дом потомка дьявола. Для чего он его купил? «Из прихоти, - ответил Янг сам себе, даже не пытаясь оправдаться. От скуки. Мне просто стало интересно. И еще из жалости. Мне не хотелось, чтобы он умирал. Я вообще не выношу даже упоминания и очень боюсь смерти».

Управляющий ехал медленно и осторожно, но на одном из поворотов машину все-таки занесло. Колеса покатались по льду. Тяжелый механизм закрутило. Филс, крепко держа руль, кое-как выровнялся, сбросил скорость. Но машина начала скатываться по льду с насыпной дороги. Вниз, к деревьям. Она плавно съехала, уперлась боком в нанесенную ветром снеговую кучу. Мотор снова заглох. Никто из мужчин не проронил за это время ни звука.

Филс завел мотор, дернул рычаг и начал сдавать назад. Он боролся за свободу, мотор ревел, из выхлопной трубы валил едкий дым, но толку было мало. Машина увязла в снегу.

Масляный светильник выхватывал фрагменты леса: вековые деревья, белые кочки и черные провалы между широких ветвей. Сумерки перешли в темную, тихую ночь. Снег продолжал падать. Вокруг был лес. Металлические округлые части черной машины тускло поблескивали и отдавали тепло.

- Я знаю. Ты говорил мне, что погода не для прогулок. Я тебя не виню, - успокоил управляющего Янг.

Леман отыскал под сидением и зажег второй светильник. Он решил пройти вперед, чтобы осмотреть дорогу. Снег мягко стелился под его подошвами, пальцы сводило от холода. Лево́й рукой он удерживал на плечах тяжелую шубу, а правой подсвечивал себе путь. Тусклый желтый свет падал совсем недалеко. Янг какое-то время всматривался в темную, тихую даль, но видел лишь узкую, бледную ленту дороги, окаймленную чернотой леса. Пару раз ему показалось – что-то мелькает перед ним, не так далеко. Но снег летел прямо в лицо, сырой и крупный, норовил залепить глаза. Янг вспомнил о волках и поспешил вернуться.

Мотор в машине глухо шумел вхолостую, а путь был уже почти расчищен. Предусмотрительный Филс извлек из-под заднего сидения припасенную для таких случаев лопату и заставил нового работника кидать снег. Тот справлялся с этим делом быстро. Длинная рубаха, схваченная на поясе ремнем, болталась на поджаром теле, волосы падали ему на лицо, прикрывая глаза и рот, и он не убирал их, продолжая трудиться. Янг задумчиво смотрел на то, как тот работает, до тех пор, пока не опустил глаза. Он удивился, заметив на снегу следы босых ступней. Подойдя ближе, он увидел на белом утоптанном снегу свежие пятна крови. Его новый слуга был бос и изрезал свои ступни о заледеневшие, острые кочки.

В просторной гостиной пахло ванилью и старыми книгами. Было тихо, тепло и сумрачно. Свет шел от камина, а на столе уже горели свечи. Войдя в комнату, Янг сбросил шубу на пол и подошел к огню.

Некоторое время он стоял неподвижно, отогреваясь. За высоким, обрамленным тяжелыми портьерами окном было темно. Лишь только белые мокрые хлопья снега с размаху впечатывались в тонкие стекла. Он был дома.

Чуть позже, укутавшись в теплый шерстяной халат, Леман, точно король на троне, восседал за своим письменным столом. Перед ним лежала распахнутая книга и стояла чайная пара. А Филс, нарушая сонную тишину дома, уже громыхал своими подбитыми железом сапогами. Он привел в кабинет единственную сделанную на рынке покупку. Живые, умные глаза Янга Лемана заблестели, сонливость как рукой сняло. Он не знал ни его имени, ни разу еще не слышал голоса этого странного существа. Верил ли Янг в то, что перед ним стоит не человек, а нечто другое? Он и сам не отдавал себе в этом отчета. Его пробирало жгучее любопытство, тянущееся родом из детства. Как неуголенное мальчишеское желание иметь что-то взрослое, недоступное, запретное и опасное.

- Сделай милость, подойди ближе.

Мужчина сделал несколько шагов вперед. Он бесшумно ступал по блестящему, начищенному паркету. Он был очень спокоен и послушен. Почти как автомат. В теплом воздухе Леман почувствовал ползущий по комнате запах грязной, сырой, изношенной одежды.

- Выглядишь неважно. Может быть, ты нуждаешься в лечении?

Ответа не последовало. Мужчина молчал и смотрел в пол. У Лемана проскользнула мысль: а в порядке ли у того голова? Может, тронулся от всего пережитого? И теперь перед ним стоит лишь пустая оболочка. Тело, способное выполнять определенный набор несложных функций? Работать, есть, спать. Но ведь его лицо, там, в катакомбах, освещенное мыслью, оно было совсем другим...

- Послушай, я никогда не буду ни пытаться, ни мучить тебя. Не такой я человек. Хотя, я так полагаю, ты привык видеть в людях иное. Но я не для этого выкупил тебя. Тебе действительно незачем бояться меня.

- Я не боюсь, - произнес тот.

Голос этого существа прошелестел точно ветер в кронах, тихо и почти осязательно. Он наконец-то взглянул на Янга. Прямо, спокойно и кротко. И господин Леман испытал удовольствие, когда понял, что не ошибся.

Черты лица его были удивительны. Чистые, плавные, правильные линии были точно выточены умелой рукой из полупрозрачного дымчатого оникса. Он был скульптурно красив. Размашистая, четкая линия бровей, аккуратный, ровный строгий нос, большие ясные глаза. Волосы, густые и темные, лежали на голове копной, рыжеватая борода скрывала удлиненный подбородок.

Любопытство – враг мой, - думал Янг таращась на него из глубин своего мягкого, большого кресла. Я, должно быть, спятил, если решил приволоочь домой такого человека. Невероятно. Ведь внешне он человек и, вместе с тем, нет. Будто какая-то часть его связана с потусторонним миром, который закрыт для нас, но распахнут для них.

Кисти рук его были покрыты буграми синих вен, ногти обломаны, босые стопы – красны. Все прочее в нем скрывала старая, покрытая пятнами, слишком тонкая для зимы одежда. И где же этот характерный признак, выдающий их племя? Янг, не произнося ни слова, опираясь обеими руками о резные широкие ручки кресла, поднялся. Полы длинного халата волочились за ним по полу. Он приблизился к пленнику, поднял правую руку и опустил ее на чужую голову. «Нечистый» не пошевелился, а хозяин довольно быстро одернул назад свою ладонь. Его встряхнуло от сильного, глубокого чувства: смеси страха и отвращения. Под волнистыми, жесткими волосами на макушке этого существа прощупывалось два твердых выступа, сужающихся кверху.

- Ну что ж... с этим ясно, - проговорил Янг, потирая правую руку о рукав. - А теперь, будь добр, разденься.

В глазах «нечистого» промелькнуло недоумение. Это была первая эмоция, слетевшая с его застывшего в равнодушном выражении лица. Но человечность в Янге с самого утра сражалась со стыдом и жгучим желанием видеть и знать. Он решил на время заглушить человечность и дойти до конца.

- Я всего лишь хочу взглянуть на тебя. Просто сними свою куртку и рубашку. Больше ничего нужно.

«Нечистый» на долю секунды прикрыл глаза. Его шея едва заметно дернулась. Это был уже довольно взрослый мужчина. Прошедший через многое, покорный, смирившийся. Янг склонил голову набок, ожидая подчинения.

Тело его было крепким, стройным, явно сильным и выносливым. Длинные ноги и руки, тонкая поясница, прямая спина и гордо посаженная голова в копне серых спутанных волос, падающих на лицо и шею - и ничего больше. Ничего «ненормального» и «неправильного» Янг в нем не рассмотрел. За исключением того, что тело было изранено. Кожа на спине и груди была в сетке тонких шрамов, старых и свежих ссадин. Янг рассматривал чужое тело, точно карту мира. Десять лет рабства отпечатались внутри и снаружи этого существа. «Нечистый» смотрел вперед, мимо хозяина. Спокойный, равнодушный ко всему на свете.

Леман медленно ходил по за ним кругами, точно подле рождественской ели. Он сегодня купил человека. Во времена молодости его отца такие вещи были обыденностью. Но сейчас торговля людьми уже практически вне закона. Парламентарии все тянут. Но закон, дающий жителям островов свободу, в любом случае будет принят, годом раньше, или годом позже — это было лишь делом времени.

- Оденсья, - приказал Леман. - Хотя нет, оставь это. Служанка заберет и сожжет твоё тряпье. Не волнуйся, Филс даст тебе новую одежду. Скажи мне вот что: ты образован?

- Да, господин.

- Насколько? Ты можешь, например, читать и писать на нашем языке?

- Да, господин.

- И кто же тебя этому научил?

- У меня была возможность, и я учился. Сам.

- Действительно? Ну хорошо. Подойди-ка сюда.

Янг придвинул на угол письменного стола серый лист бумаги и чернильницу. Достал из коробочки серебряное перо.

- Напиши здесь что-нибудь.

Чужестранец бросил на него короткий, недоверчивый взгляд. Леман отчего-то улыбался. Сам он того не знал, но улыбка делала его миловидное, светлое лицо, совсем юным.

Мужчина опустил глаза и осторожно принял перо из его рук. Немного подумал, а после аккуратно вывел известное всем четверостишие.

«А у королевских врат ночью стражники не спят.

Ветра шум и звон дождя, слышат трели соловья.

Слышат, как поет сверчок... Вдруг ломается сучок,

Кто-то бродит вдоль ворот..."

- Хорошо. Я понял, - Янг довольно кивнул. - Удивительно. Не все люди, работающие в этом доме, умеют так красиво и правильно писать. Мне интересно, твой прежний хозяин, он не будет тебя искать?

- Он был очень стар. Он уже не с нами, - чужестранец, коротко взглянув на Янга, вскинул указательный палец вверх, очевидно, имея в виду небо.

- Ах, вот оно что... Тебе было его жаль?

- Мне было его очень жаль, господин Леман. Так, как может быть жаль родного отца.

Янг обошел свой стол и снова опустился в кресло.

- Жизнь твоя после этого покатила под откос. Стало быть, наследники его тебя не пожалели. Тебе не повезло. Но сейчас все иначе. Послушай меня внимательно, ибо я скажу это лишь раз. Будет очень хорошо, если ты окажешься для меня хорошим помощником. Бежать тебе незачем, повторяю, я не жестокий и не злой человек. Но я все же сообщу тебе. Вдруг ты сам не понял? Вокруг нас густой лес. В нем живут хищные звери. Вокруг нас озера, покрытые тонким льдом. И еще болота. В них лучше не соваться. И это не просто земля. Это мой лес. Мои болота, мои озера, мои холмы. А дальше начинаются земли чужие. И на них живут совсем другие люди.

- Вам не стоит беспокоиться о том, что я сбегу, - спокойно ответил тот. - Моя жизнь в ваших руках. И стоит она ровно столько, сколько вы заплатили за нее.

Янг кивнул, сухо закашлялся, прижал руку ко рту. И затем торопливо сказал:

- Я рад это слышать. Тебе пора. Ступай. Филс даст тебе все, что нужно. Одежду, еду, горячую воду. Он отведет тебя в комнату для ночлега. И будь добр, слушайся его во всем.

Комната показалась ему этим вечером неудобной. Было холодно, темно и пусто. Свечные огни колебались от сквозняков, по потолку и стенам бродили серые тени. Леману было одиноко. Было ощущение, что он все еще находится в катакомбах.

Что это был за ответ? Дерзость? Гордость? Теперь стало понятно, отчего вся его спина исполосована точно на ремни.

Янг никогда не сомневался в правильности своих поступков и адекватности своих желаний. До этого дня. Ему было все еще не по себе и постель, в которой он лежал, не грела его. Зачем он купил и привез в свой дом это существо? Что еще за блажь скупающего господина?

Ему долго не спалось. Дом наполнился неслышимыми прежде звуками. Слабый треск остывающих в камине углей, вой ветра за окном, легкий перезвон тонких стекол в деревянных рамах и слабый шорох за шкафами. В доме опять завелись мыши.

Во время болезни он ничего подобного не слышал. Лишь только собственный, сотрясающий стены, надрывный кашель. Но сейчас дышалось ему легко. Он прикоснулся рукой к своей груди. Сердце билось часто и сильно.

"Не притащил ли я часом в дом свою собственную смерть? Не прикончит ли меня этот «зверь»? В отместку за все то, что сотворили с ним люди, за все те боль и унижения, которые он пережил. Сколько же раз его били, пытаясь добиться ответов? Есть хотя бы что-то такое, чего он по-настоящему боится? Так я добавил ему иную боль". – Янг резко распахнул глаза. Уставился в серую стену напротив. "Я унизил его. Неудовлетворенное детское любопытство взяло надо мною верх. Мне хотелось рассмотреть его тело, и я это сделал. Но я имел право сделать это, ведь я его купил, не так ли"?

Глава 2

- Он сбежит. На лесопилке никто не будет за ним смотреть. Я считаю, что он опасен и может сотворить все, что угодно. Вам нужно избавиться от него. Как можно скорее.

Янг, сидя на своей кровати, застегивал на ворота мелкие пуговицы. Сорочка была ему широка. Дневной свет пронзал тончайшую, легкую ткань и темным пятном очерчивал скрытое в ней, незначительное, худощавое тело. Филс находился рядом с господином. Он подавал Леману разложенные на кресле предметы одежды и безостановочно ворчал.

- Я с тобой не согласен. Я не думаю, что он захочет бежать. Он выглядит слишком усталым. Но даже если ты прав, ведь не могу же я посадить человека на цепь? Если он и сбежит, то в любом случае, мы быстро об этом узнаем. Можем тогда призвать лесника и пустить по следу собак.

- Хотел бы я принять участие в такой охоте, - пробормотал управляющий.
- А ты довольно кровожаден, старина, - Янг улыбнулся.
- Сейчас я стал слишком стар для охоты.
- Мы не будем торопить события, Филс. Я хочу понаблюдать за ним.

Но управляющий никак не мог уговориться. Подавая Леману шелковый жилет, он затынул снова:

- Все служанки забились по углам, как мыши, едва только прознали про то, кого вы изволили привезти. Если уж на то пошло – они все разбегутся и вам придется стирать свои сорочки самому. Но это еще ничего. Лишь бы только рабочие на лесопилке не разбежались. Иначе у нас начнутся проблемы куда более серьезные.

Дорога петляла среди могучих сосен: узкая, неровная, больше похожая на темный тоннель. Грязно-серые облака висели так низко, что того и гляди – зацепятся о макушки деревьев.

Они продвигались в самую глубь темного леса. Черный дымок клубами вылетал из высокой, закопченной трубы и растворялся в сыром, промозглом воздухе.

- Я вчера забыл тебя спросить. Как твое имя?

Сидя по правую руку от своего хозяина, чужестранец смотрел на дорогу. Ладони его лежали на коленях. Спина – все так же прямая, лицо – застывшая маска.

- Я знаю... - начал было Янг, но замолчал. Он резко повернул руль, уворачиваясь от снежного заноса. Их, всех троих, качнуло налево.

- У вашего народа имя имеет сакральное значение, - продолжил он чуть позже. - В ваших именах зашифрованы ваши судьбы и ремесла, которыми вы владеете. Но люди ведь должны как-то обращаться к тебе, не так ли?

- Можете назвать меня сами, - отозвался тот.
- Это будет неправильно. Каждому от рождения дается одно-единственное имя.
- У меня было много имен.

- После того как ты попал в рабство к людям?

Чужестранец молчал. Янг взглянул на него. «Каменный» профиль светился на фоне мелькающих за окошком темных стволов и веток. Лицо и волосы чужестранца теперь были чистыми, он был тепло одет. Филс позаботился об этом.

- Вас завоевали, не так ли? – спросил Янг. - Взяли штурмом. Весь ваш город, запрятанный высоко в горах, разобрали по камню и вывели жителей вниз, продали в рабство ваших детей и жен. Ваши семьи навсегда разлучились. А все из-за того, что вы владеете удивительными древними знаниями и разнообразными умениями, которые много веков передавали из поколения в поколение.

- Велите выпороть его. Тогда он расскажет все, - пробормотал Филс, сидящий позади Янга.

Для безопасности преданный служака держал на своих коленях заряженный пистолет. Он не сводил с «нечистого» глаз.

- Филс, угомонись ты ради всего святого. Сколько можно говорить об одном и том же?

Машина качалась на ледяных кочках. Янг, крепко держа руль, втянул носом сырой густой воздух. В машине пахло выделанной кожей, дымом, мокрой хвоей. Ему нравился этот запах, он успокаивал и вселял в него уверенность.

- Я знаю, что ваш народ невероятно вынослив. Почему вы так стойко переносите пытки?

Чужестранец помолчал немного, раздумывая, а затем нехотя ответил:

- Мы умеем ограничивать боль. Загоняем ее в самую глубину тела и там подавляем. И тогда можем ощущать лишь потерю. Крови, ногтей, ушей, конечностей. Но боли при этом нет. Человек, такой как вы, не может этому научиться, - добавил он.

- Почему мы не можем этому научиться? Разве у вас есть какие-то другие органы или чувства? Этого я не понимаю.

Филс, сидящий позади, громко присвистнул.

- Значит, вы можете пережить любую боль? Даже потерю рук и ног? Настолько хорошо повелеваете собственным телом и умираете лишь от серьезных ран и потери крови? Но тогда почему вы все-таки сдавались и раскрывали ваши секреты? Ведь есть все-таки способ заставить вас говорить?

Янг, держась за руль, повернув лицо и заметил, как дрогнули у «нечистого» веки. Теперь тот смотрел не на дорогу перед собой, а на свои, лежащие на коленях, обветренные руки.

- Матери не могут молчать, - пробормотал он совсем тихо. - Ведь мы, как и все прочие люди, способны ощущать сильнейшую душевную боль. Женщинам было можно... не молчать. Когда пыткам подвергали детей, они рассказывали все, что знали, и мы прощали им каждое сказанное слово.

Леман отвернулся и уставился на дорогу. Впереди был один лишь заснеженный темный, стоящий стеною лес.

- Черт побери, как грустно, - заметил управляющий. - Что-то я ни разу не слышал о таких зверствах, как пытки ваших детей и женщин. Не бывало такого.

- Этого не происходит в ваших городах, - возразил «нечистый». - Там властвует закон.

Янг Леман, вслушиваясь в его голос, все больше тревожился. Речь «нечистого» звучала гладко и мягко. Точно журчание неторопливого ручья. Он дивился про себя правильности и чистоте его произношения. Грамотности, с которой тот строил свои короткие, емкие фразы.

- Но... а как же ваша способность терпеть?

- Маленькие дети не могут уметь того, что умеет взрослый. Всему, что мы знаем, нужно учиться. Для этого нужно время. И те, кто не умел...

- Я понял, не продолжай. – Янг крепко сжал руль. - Ваши дети перестают быть похожими на вас. Их некому учить. Никто не передает знания вашим детям и они, взрослея, уже не являются носителями вашего коллективного ума. Суть вашей культуры почти утрачена.

Говоря, Янг почувствовал, что у него под тонкой кожей перчаток, взмокли ладони. Мысли, самые разные, проносились в его голове. Но произнес он лишь одно:

- Нет, я бы никогда не допустил такого варварства. Даже если бы мне самому ради спасения жизни понадобилось бы услышать то, что вы там скрываете. Рецепты бессмертия, вечной молодости, или же просто ваши имена. Мне это не интересно, черт бы вас побрал, - пробормотал он.

- Да и в конце концов, что такого вы можете знать, чего не знаем мы?! Посмотри вот на эту машину, которой я управляю. Разве ты можешь знать, как она устроена? Что вы можете понимать в науках: астрономии, математике, химии? Вы отстали от нас в развитии на сотни лет. Ваши каменные города – это же варварские поселения диких племен! Я не верю, что вы обладаете особым знанием, все это – сказки! Сочиненные браконьерами для тех глупцов, которые желают купить вас в виде живого товара и получить нечто большее. Все это – обман. Дурная слава, которая губит ваш народ.

Янг перевел дыхание. В груди снова заныло. Досада на себя самого и растревоженные чувства вывели его из равновесия. Он никогда не был черствым человеком. Напротив, отец часто упрекал его за излишне живое воображение и чрезмерную доброту. И сейчас Янг четко слышал за своей спиной его голос:

«Всем воздается по заслугам. Это закон жизни. И если добрый человек пострадал, не печалься о нем. Помогите ему, чем сможете и идите своей дорогой. Не твое это дело – утешать страждущих. Для этого есть монастыри и церкви. А мы живем законами и живы благодаря законам. Справедливость в мире хоть и есть, но в человеческом обществе она, как продажная девка, льнет к богатым и находится на стороне сильных, прикрывая их интересы. Так что будь сильным. И тогда ты сможешь быть милосердным».

Янг Леман старался быть сильным. И милосердным. Видит Бог, он всегда стремился к этому.

- Мое имя Рэйнер, господин, - «нечистый» неожиданно нарушил тишину. – Так называли меня мои учителя. Мое имя означает – «дар», а еще «учитель».

- Рэйнер, - повторил Янг глядя на дорогу перед собой.

- Вот оно как! – воскликнул с заднего сидения Филс. – Смотрите-ка, он разговорился! Ну, а теперь давай, выкладывай нам секрет вечной молодости.

- погоди ерничать, Филс. Какой же ты стал едкий! И так... Рэйнер. Раз ты открыл его нам, значит, ты хочешь называться своим истинным именем? – спросил Янг.

- Да.

- Но почему ты это сделал именно сейчас?

- Потому что вы не пытались узнать его, применяя силу.

- И ты настолько доверчив? Только лишь потому, что я обещал не пытаться тебя, ты рассказал мне то, что скрывал от других? А что, если бы я сейчас привез тебя на лесопилку и подставил под железный вертящийся диск твои руки или колени?

- Тогда я бы тоже признался.

- Хорошая идея, господин Янг, - сказал управляющий. – Я это запомню. Мне самому не пришлось бы такое в голову.

- Филс, я все же надеюсь, что ты шутишь.

- Так вы и сами постоянно шутите! Но вы-то гораздо умнее меня, господин Леман. Вы же знаете, я во всем поддерживаю вас.

Янг рассмеялся. Управляющий, сидящий за его спиной с пистолетом в руке, тоже улыбался.

Лесопилка Янга Лемана молчала. Не было слышно ни человеческих голосов, ни визга пилы, ни грохота натяжных ремней. Туманная и влажная тишина окружала мощный механизм,

маленькую контору, двор, кухню и большой двухэтажный склад. Никого из работников не было видно.

Янг выскочил из-за руля и быстрым шагом направился под навес.

- Что-то произошло. Сейчас Ирвинг Вонг получит, бездельник! Да чтобы среди бела дня остановились работы, такого в жизнь не бывало. Эй ты! – крикнул он. - Рэйнер, или как там тебя зовут? Выходи уже из машины, мы приехали!

Широкая покатая крыша лесопилки держалась на пяти каменных колоннах. Огромная машина стояла по центру – как идол. Это и был гигантский железный живой бог, придуманный человеком. Опасный и сильный, вооруженный железными зубами и когтями. Справа от лесопилки темнел широкий водоем, по которому срубленные и очищенные от веток стволы доставляли к месту распила. Снег вокруг был вытоптан, и вся почва была припорошена свежими опилками.

Чужестранец выполнил приказ и подошел к управляющему. Одежда не новая, но чистая, сидела на нем ладно. Длинная темно-зеленая шерстяная куртка облегла широкие плечи. Он прихватил ее на поясе своим ремнем, единственным имуществом, оставшимся у него от прежней жизни.

Филс задумчиво глядел на чужака. Управляющий был хороший исполнитель, преданный дому, в котором служил. Но старый хозяин умер, а младший Леман далеко не во всем был похож на своего отца. Янг был умнее, любопытнее и смелее. Он был добрым человеком, тонким и чутким. Это позволяло ему чувствовать фальшь и обман. И все же ему пока еще не доставало опыта. А по причине своего слабого здоровья он не так много бывал в обществе. Филс, как мог, оберегал молодого хозяина.

В грудь Рэйнера ткнулось железо. Филс подступил к нему вплотную, между ними была лишь его рука с зажатым в ней оружием. Он сурово смотрел в чужие темные глаза. Смотреть ему приходилось снизу-вверх, и от этого его сухое, острое лицо делалось еще более раздраженным и решительным.

- А теперь слушай сюда, отродье сатаны. Мой господин еще молод и, как все молодые люди, он любопытен. Но я многое повидал в этой жизни. И вашего племени тоже. Вы травили наши колодцы и воровали наших детей. Об этом ты сегодня ему рассказать забыл. А также, о том, что вы побили немало нашего народа. Все эти твои жалостливые истории, твои басни и признания – сказки для детей. Поэтому, если ты хочешь жить - служи молча и будь покорным. Иначе... – он указал глазами на пистолет. - Эта штука в один миг вынесет твои мозги на снег. Моя рука не дрогнет, я всегда буду следить за тобой.

- Господин Филс, в котле необходимо сбросить давление.

Рэйнер пристально смотрел под навес. Управляющий замер на долю секунды, недоуменно таращась в спокойное лицо чужака. А затем все понял. Размахивая в воздухе пистолетом, он бегом бросился к котлу, к этой гигантской раскаленной металлической бочке, покрытой со всех сторон ободами и заклепками.

Пар вышел резкой, мощной белой струей. Громкий, высокий, оглушительный свист разнесся по всей округе. Птицы с криками, стаей сорвались с макушек деревьев.

Хозяин лесопилки вопил не менее громко.

- Какого черта котел оставили без присмотра?! – В бешенстве кричал Янг стоя в толпе рабочих.

Мужчины хмурились и виновато прятали глаза. Кто-то чесал затылок, сдвигая на лоб выцветшую кепку, кто-то ковырял носком ботинка промокшую щепу на дорожке.

- Вы что, все разом выжили из ума?! Как такое возможно?! Вы все - взрослые люди! Как можно было такое допустить? Все, как стадо, сбегались смотреть на зарезанного! Я выгоню вас всех к чертовой матери, и тогда проваливайте с вашими семьями куда хотите!

Леман тяжело, устало вдохнул.

- Быстро все вернулись к работе. Сейчас же!

Рабочие кинулись по местам. Ремни натянулись и загудели. Через минуту пила пронзительно завизжала.

- Одного из новеньких затянуло за одежду.

Янг, тяжело дыша, наклонился и зачерпнув мокрого снега, принялся стирать с рукава своего сюртука чужую кровь.

- Ему прихватило плечо. Его кое-как перевязали, но кровь так и хлещет. Нужен доктор. Филс, езжай за доктором. Привези Оллсопа как можно скорее.

- Конечно, господин Леман. Я немедленно отправлюсь за ним, - ответил управляющий.

Янг огляделся.

- Ирвинга нигде нет. И где он, спрашивается? Так они здесь все загубят. Что за люди? Разве я могу положиться на таких работников? Если бы не твоя внимательность, котел бы взорвался. Вот тогда началась была потеха, до столицы бы долетел грохот. Не справившись с нынешним количеством заказов, я могу, к чертовой матери, загубить все дело...

Услышав про чертей, Филс бросил взгляд на Рэйнера. Тот стоял в стороне и тарачился на рабочих.

- Это все он, господин Леман.

Филс кивком указал на нового работника.

- Рэйнер. Он первым обратил внимание на котел. Это опытный человек, господин Янг. И умный человек. Теперь я вижу - он стоит своих денег. Он уже их окупил, только что. Если он и дальше будет таким же внимательным и покорным, то польза от него будет большая.

- Вот значит, как... Как быстро ты, однако, меняешь свое мнение.

- Я не изменил свое мнение о нем. Теперь он вызывает во мне еще больше подозрений.

Янг прислонился спиной к каменному столбу, откинул голову назад. Он не замечал того, что все еще сжимает в пальцах снежный ком. С его покрасневших от холода рук капала и впитывалась в снег розовая вода.

- Ну и денек выдался.... И что, он, стоя в стороне, действительно заметил неполадки с котлом?

Управляющий это подтвердил.

- Он очень внимателен и явно себе на уме. Я бы следил за ним и настраивал как можно сильнее. Плохо, что вы не удосужились расспросить о нем подробнее, господин Янг. Вы же видите - он явно непростой работяга. Есть в нем что-то странное и вызывающее.

- Поэтому я и взял его. Люблю сложные механизмы... На деле – стоит только разобраться, как ими управлять и тогда они полностью подчиняются тебе. Ты ведь, в итоге, научился водить? Разберешься и с этим. А теперь поезжай. Давай уже, старина, поторопись за доктором. У нас много дел на сегодня, а уже почти полдень. Вечером я проведу собрание в пабе, довезешь меня до деревни. Хотел бы я только знать, где носит Ирвинга, этого лысого черта? Если он не появится передо мною в ближайшие десять минут, клянусь, он потеряет свое место.

Доктор вошел в контору и объявил, что раны пострадавшего не смертельны. Янг, ожидавший его в холодной комнате больше часа, выдохнул, поставил локти на стол и свесил голову. Собственная голова казалась ему тяжелой. Господин Оллсоп взглянул на бледную, худую шею, видневшуюся из-под полоски бирюзового шелкового галстука. Он подошел ближе, наклонился над столом и взял молодого человека за кисть левой руки.

- Господин Леман, вам нужно поберечься. Пульс частит и ритм какой-то уж совсем нестабильный. Вам пока еще рано нагружать себя.

- Я в порядке. Но устал за эти два дня, - не поднимая лица ответил Янг. – Скажи, он ведь не останется калекой?

- Дуракам везет, - неспешно изрек доктор. - Срезана кожа, сломана ключица. Он потерял много крови. Но сухожилия целы, а мышцы задеты не очень глубоко. Рука останется рабочей. Нужно лишь подождать, пока срастется кость. Голову его от пилы спасла ветхая рубаша. Не порвись она в нужный момент, ему бы точно не отвертеться. Кто бы мог подумать, но кого-то спасает даже нищета.

- Он так громко стонал и кричал, пока ты работал над ним. Я уж было подумал, что бедняге приходит конец.

- Простите, господин Леман. Я не сумел его заткнуть. Мужчина в его возрасте мог бы и перетерпеть боль. Я все совал ему в зубы деревяшку, но он выплюнул ее. Возможно он надеется разжалобить вас и получить хорошую компенсацию. Но никаких поблажек он не заслужил, это точно.

Доктор выставил толстый волосатый мизинец и почесал им в ухе.

- Ничего, - продолжил он. - Отлежится, а там, глядишь, заживет как на дворовой собаке. Вы, господин Леман, не должны чувствовать себя виноватым. Невозможно уследить за всеми. Невозможно понять насколько глуп человек, пока не увидишь его в деле. Такому, как он, нельзя доверять даже карманный нож. Что уж говорить про огромную механическую пилу.

Доктор Оллсоп ушел в бойлерную, собирать свой инструмент. Янг остался в конторе. Его знобило. Сквозь мутное, покрытое разводами окно, он пристально и бездумно глядел на работавшую во дворе девушку. Та, закинув на дощатую калитку, отмывала от крови черный кожаный фартук доктора. Рукава ее сорочки были закатаны по локоть, тонкие, как молодые прутки, белые руки то и дело ныряли в широкое и низкое деревянное ведро. Девушка опускала в воду кровавую тряпку, полоскала и отжимала ее. Потом смывала пятна и снова наклонялась к ведру. Широкая серая юбка тяжело колыхалась у ее ног. Раз за разом, она повторяла одни и те же движения, точно заведенная машина: старательно, четко, плавно.

Леман рассеянно смотрел на нее до тех пор, пока не осознал, что не знает кто она такая. Новая работница? Но женщинам нечего делать на лесопилке. Достаточно было одной кухарки. И вот теперь появилась еще одна. Откуда взялась и почему без его ведома? И почему управляющий Ирвинг допускает подобное? Ведь глупая дуреха ничего не знает и может сунуться не туда, попасть под катящееся бревно, цепи или под пилу, которая в высоту больше нее самой. Янг злился на Ирвинга все сильнее.

Двор был пуст, а над лесом снова стояла тишина. Все работники ушли в кухню, на обед. Ирвинг бросил двуколку у ворот. Бледный, испуганный, он задыхался от спешки. Он уже был осведомлен о произошедшем от встретившего его по дороге Филса. А старина Филс никогда не стеснялся в выражениях.

Леман не стал слушать оправданий. Оторвавшись от разложенных на столе чеков, он бросил на вошедшего пристальный взгляд.

Разговор у них вышел долгий и тяжелый. Хозяин был разочарован и это было по нервам управляющего сильнее угроз и ругани. «Мне некому доверится», - устало бросил Леман. Ирвинг прекрасно понимал, о чем он говорит. Изнуряющая болезнь, которая, очевидно, будет преследовать молодого господина до конца жизни, отнимала у него недели, месяцы. Были дни, в которые он не мог заниматься делами, а это значило, что под угрозой находится все: его состояние, будущее, вся жизнь большого поместья. Ирвинг чувствовал, что доверие к нему потеряно и теперь лихорадочно соображал. Нужно было все исправлять.

Отчитывая Ирвинга и вышагивая по маленькой деревянной комнатке то вперед, то назад, Леман бросил взгляд в окно. Снова эта девчонка. Идет, опустив голову, отведя в сторону свою серую юбку, склонилась набок под тяжестью полного ведра.

- Кто это? - раздраженно спросил хозяин лесопилки указывая кивком на окно. - Ирвинг, кто это еще тут на мою голову? У меня здесь не сиротский приют. И я не могу нанимать на работу всех желающих.

Управляющий стоял у стола, вытянувшись и прижав руки к телу. Коричневый жилет едва сходил на его животе, мешковатые брючины были в грязи. Лоб у него взмок, под мышками на серой рубашке проступили мокрые круги.

- Это Анна Брикс, господин Леман, - сипло ответил он. - Она всего пару дней как пришла. И не работает она здесь вовсе.

- Так что же, она, черт побери, делает? Прямо сейчас я вижу, как она несет через двор ведро с помоями. С каких пор это занятие у нас перестало считаться работой?

- Простите, господин Леман. Я велю ей уходить.

Хозяин лесопилки продолжал наблюдать за девушкой. Она выплеснула помои за сарай и теперь возвращалась. Походка ее была легкой. Из-под чепца выбивались светлые пряди. Кривые оконные стекла искажали пропорции, но и без того было понятно, что она и хороша, и молода. Худенькие плечи, прямая спинка, высокая грудь, узкая талия – все было при ней. Леман проводил ее взглядом.

- Для работницы выглядит слишком опрятно. Она из деревни?

- Она приезжая. Может быть, вы помните Джона Брикса, господин Леман? Того фермера, что застрелился прошлой осенью из-за долгов. Ферма его стояла между скал, недалеко от крепости. Пару лет назад он засеял свои поля картофелем, рассчитывал, видимо, заработать, ведь картофель у нас стоит дорого. Но тем летом все время шли дожди. Все сгнило в земле. В тот год пострадали многие, но его дела с тех пор шли все хуже. Он не занимался хозяйством, потому что от болезни умирала его жена. Последние деньги ушли на ее лечение. Так бывает: одно за другим, как какая-то напасть. Пришла беда – отворяй ворота...

- Я его помню. - Янг вернулся на место и уселся за свой стол. - Он покупал у меня доски для нового сарая. Кажется, это было полтора-два года назад. Он показался мне тогда довольно гордым человеком. Стало быть, это его дочь теперь выносит помои с моей кухни? И почему? Да неужели ее до сих пор никто не приютил?

- Видать, у нее нет больше никакой родни. Я знаю, что она какое-то время жила по соседним фермам. Работала за угол и за тарелку супа. Но ее гнали отовсюду. Хоть и работающая она, и даже, как будто, ученая. Книжки, говорят, выносили коробками, когда продавали их дом с молотка. А она плакала.

- Так за что же ее гнали?

- Ну как же? Она совсем молоденькая. Вдобавок, красавица. Любой хозяйке видеть такую особу у себя под боком не очень-то приятно.

- И что же тут неприятного?

Ирвинг улыбнулся недогадливости хозяина.

- Так у каждой хозяйки в доме есть свой хозяин, господин Леман. Есть сыновья и племянники. А она - нищая, беззащитная сирота. Кроме красоты и молодости - никакого толку.

- Как будто от женщины требуется что-то еще, - пробормотал Леман.

- А как же? - удивился Ирвинг. - Нужно приданое. Доброе имя и хорошая, работающая родня. Зачем иначе нужна такая обуза? Я слышал, что лесник приходил за ней на ферму. Ну, вы то его знаете. Ему богатство от жены не нужно, живет он как медведь и тем доволен. Ну, с его-то кривой рожей ему бы хоть какую-нибудь жену, лишь бы только умела вести хозяйство. Анну Брикс уж было на радостях чуть не проводили с ним в церковь. Только она убежала. Отыскивали ее у озера, собиралась утопиться.

- Утопиться? Из-за лесника? Что за ерунда? Ну а здесь она как оказалась?

- Пришла неделю назад. Попросилась работать за еду. Плакала. Я не смог ее прогнать в тот вечер, было уже поздно, начинало темнеть. Куда на ночь глядя идти через лес? Волки разорвут, растащат косточки по лесу и дело с концом. Побоялся я брать на душу такой грех. Брикс, хоть и образованный был виконт. Но дурак. Упокой его господи, грешника... Дочь не пожалел. Стрелял бы уж тогда и ее заодно. Понятно, что с ней будет дальше. Ничего хорошего.

- Так значит, она живет здесь? А где же она ночует?

- Да в той комнатухе над бойлерной. Там тепло. И закрывается она изнутри надежно. Ей там безопасно.

Леман тихо вздохнул.

- Понятно теперь. Прогонять ее не стоило, ты поступил правильно. Но вот только я нового работника сегодня привез. И рассчитывал поселить его там. А вместе мы их поселить не можем.

- Ну что же... Придется тогда ей уходить, - Ирвинг лишь развел руками.

Леман молчал, глядя прямо перед собой. Ему казалось странным, что именно сейчас к нему прибились эти двое. Оба в унынии и отчаянии. А он сам? Может ли он им помочь? Не был ли он сам этой зимой в таком же отчаянии? И не слишком ли много собралось в одном месте такого разного человеческого горя?

- Ох, ну и денек сегодня, - повторил хозяин лесопилки. - Ступай, Ирвинг, скажи этой сироте, пусть придет сюда. Хочу с ней поговорить.

Глава 3

До этого утра Янг Леман не обращал особого внимания на хлеб, который ему подают к завтраку. Он разве что мог отличить белый от черного, да свежий от сухого. Обычно на столе было слишком много всего, а у него редко бывал хороший аппетит.

Сквозь ряд больших, арочных окон в столовую проникало много холодного дневного света. Красные зимние цветы и свечи украшали стол. Луиза приносила и уносила блюда. Она не была обязана, но делала это сама, исключительно из щепетильности и недоверия к кухонной работнице, которую считала неряхой.

Белый накрахмаленный чепчик низкорослой и опрятной Луизы то и дело мелькал между кухней и столовой.

- Готовьте к подаче пирожные, - потребовала она на кухне. – Почему так долго? Господин вот-вот поднимется и уйдет.

- А как сегодня у нас обстоят дела с омлетом?

- Напрасный перевод яиц. Лучше уж вывести из них цыплят. Поторопись, Феликс. Кофе мне нужен одновременно с десертом.

Повар – чужеземец был исполнительным, но неторопливым человеком. Лет ему было чуть за пятьдесят. Волею нелегкой судьбы он был занесен из своей теплой страны в этот чужой, суровый, лесистый край. Феликс сверкнул на Луизу нездешними, похожими на крупные масляны, глазами. Он жил в своем ритме и отрицал привычку северян постоянно спешить. Игнорируя пристальный взгляд домоправительницы, повар продолжил аккуратно, по одному, доставать из стеклянной банки щипцами драгоценные кофейные зерна.

- Что это у нас сегодня с хлебом, Луиза? - спросил Леман, когда та вернулась.

Хозяин дома держал корочку и отщипывал от нее понемногу. Запястья его были узкими, белыми, ухоженными, почти как у женщины.

- Хлеб должен быть таким же, как всегда, господин Леман, - ответила она. – Я узнаю на кухне. Неужели мука прогоркла или отсырела?

- Да нет, не то. Но сегодня он необычный. Возьми и попробуй сама.

Молодой хозяин улыбнулся. Луиза мягко улыбнулась ему в ответ своими тонкими, бесцветными губами, а затем выполнила просьбу.

Она знала, что к дому скоро подъедут визитеры. Деловые, важные господа в строгих пальто с толстыми меховыми воротниками, в черных цилиндрах над суровыми, смурными лицами. Либо же это будет кто-то из фермеров. Работяги, одетые в самодельные овечьи жилеты, всегда ведут себя тихо и робко, оказавшись в роскошной обстановке лемановского особняка. Вот только башмаки у них вечно в грязи.

Временами Лемана заменял Филс, но, когда позволяло здоровье, хозяин лесопилки вел дела сам. Он принимал посетителей в кабинете, и в эти дни распорядок его жизни не менялся.

Луиза знала, что будет в каждом часе каждого нового дня. Массивная резная дверь кабинета будет открываться и закрываться. Будут слышны низкие мужские голоса, топот, скрип отодвигаемых тяжелых стульев. В определенное время она подавала в кабинет чай, затем сервировала для обеда стол, а после зажигала свечи в столовой для подачи ужина.

Экономка была привязана к молодому господину как к ребенку, которого у нее никогда не было. Тем более, что и сам он был одинок. Время, отведенное Янгу Леману на детство и юность, пролетело как-то уж слишком быстро. Из задумчивого и скромного мальчика, нежного и доброго, вырос серьезный, строгий человек. Пожалуй, он был даже слишком решительным для своих неполных двадцати пяти лет.

Вернувшийся в опустевшее родовое гнездо, Янг Леман с первого дня повел себя крайне осторожно и разумно. Он знал цену деньгам и за несколько лет жизни в столице не приобрел никаких разрушительных пристрастий и слабостей, свойственных иногда людям его возраста, положения и достатка. Не дав себе ни дня на отдых, молодой хозяин включился в работу. Ему было нелегко, потому что отец не успел его обучить. Янг долго разбирался в делах, выписывал справочники и пособия по деревообработке, общался со старыми и опытными, знающими дело, рабочими. В теплые дни он брал ружье и пару сопровождающих, а затем часами объезжал на лошадях свои территории. Образование его осталось незаконченным, но это ему никак не мешало. Леман младший много и старательно учился сам. Он имел ясный ум, деловую хватку и прозорливость. Он не давал в долг, не ввязывался в аферы, не рисковал. Принципиальный, дотошный, требовательный, он никому не позволял себя провести.

Вернувшись в столовую с десертом (на подносе стояла хрустальная креманка с шоколадно-ореховым пудингом, а также долгожданная чашка черного кофе), Луиза ответила на вопрос хозяина:

- Господин Леман, хлеб сегодня испекла Анна. Она в этом мастерица. Так она сама мне сказала. Вот я и поручила ей эту работу. Если хлеб нравится вам, то это станет ее обязанностью.

Леман, не отвлекаясь от чтения, выслушал сдержанную речь экономки.

- Решай сама, Луиза. В этом деле я полностью тебе доверяю, - ответил он.

Приближалась весна, заказов на лес становилось больше. Леман теперь не мог тратить время на разъезды. Рабочих контролировал Филс, за вырубкой следил Ирвинг, а хозяин работал дома, договаривался о поставках и отгрузках, принимал чеки. Благодаря усилиям этих троих, работа на лесопилке шла полным ходом.

Леман очень уставал от посетителей. Днем ему требовался отдых. И для таких нужд в южной части большого дома была сооружена стеклянная оранжерея. Это был маленький зимний сад. Пальмы, лианы, цитрусовые, всякая зелень и цветы росли бок о бок и даже радовали хозяина дома экзотическими плодами. На большом лимонном дереве висело несколько желтых, налитых плодов.

Слуги заходили в оранжерею чтобы навести чистоту, натереть стекла в деревянных рамах и поухаживать за растениями. Никто, кроме хозяина, не проводил там время просто так, и поэтому в один из дней, входя в свой любимый сад, Леман удивился. Из-за неплотно прикрытой стеклянной двери доносился голос.

За окном оранжереи начинался лес и этот вид был прекрасен в любое время года. Стеной стояли старые ели. Во время оттепели, склонившие под тяжестью мокрого снега свои большие ветви, чистые и свежие, они ярко зеленели. С длинной хвои крупными каплями стекала прозрачная талая вода. Между деревьями провис белый туман. А у коричневых толстых стволов уже образовались охристые ровные круги. Это снег стаял, обнажив толстый многолетний слой опавших сосновых игл.

Янг тут же подумал о своей матери. Она тоже любила проводить здесь время, сидя за рукоделием, в покое и тишине. И, пока день был светел, она всегда делала что-то своими

руками. Все эти подушки, вышитые скатерти, вязаные шали и накидки, воротнички, манжеты, нижние юбки. Сколько всего стало лежать в шкафах и чемоданах! Все это не использовалось никем, потому что в доме не было хозяйки.

Стоя у стеклянной двери, Леман незаметно рассматривал девушку. Анна занималась рукоделием и негромко пела. Она жила и работала в поместье уже вторую неделю. Она редко попадалась на глаза хозяину, гораздо реже прочих обслуживающих дом людей. Но Леман помнил о ней. Он всегда чувствовал ее присутствие. С самого первого дня, едва она заселилась в крохотную дальнюю комнатку за кухней. Она была такой худенькой и незначительной, и тем удивительнее было, как с ее появлением во всем его огромном доме изменилась атмосфера. Пахнуть стало иначе: свежестью, молодостью. Чем-то легким, чистым, нежным. Этот запах очень напоминал ему свежий и нежный аромат распустившегося дикого шиповника. Выходя из спальни и чувствуя ее присутствие, он думал, что она, возможно, только что прошла по коридору неся стопку отглаженных простыней. Он ощущал ее присутствие в столовой, а потом замечал, что приборы на столе лежат не так как обычно. Он слышал нежный, тихий смех из комнат шитья и для глажки, замечал легкое движение, мелькнувшую мимо легкую фигурку. Ему становилось тревожно, но это была непривычная, странная, щекотливая и приятная тревога.

Последние несколько лет своей жизни, в силу обстоятельств, Янг Леман гораздо чаще думал о смерти, чем о женщинах. Но одиночество ему очень вредило. Его терзали навязчивые мысли и разные страхи. Невыносимая ипохондрия, даже в относительно благополучное по состоянию здоровья время, не давала ему нормально есть и спать. Однако же, в последние дни, он даже не замечал того, что больше не хандрит. Молодая и красивая девушка, неожиданно появившаяся в поместье, перетянула на себя его внимание. Леман радовался ее присутствию. И, спустя долгое время, он впервые почувствовал себя так, как должен чувствовать себя обычный двадцатипятилетний человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.